

Крачковский Юлиан Фомич

Быт западно-русского селянина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю33

Ю33 **Юлиан Фомич К.**
Быт западно-русского селянина / Крачковский Юлиан Фомич – М.: Книга по Требованию,
2025. – 214 с.

ISBN 978-5-519-91013-2

ISBN 978-5-519-91013-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ой посью жита, не съ кѣмъ позбѣрати;
 Накосивъ я гречки, не съ кѣмъ позвязати;
 Осѣнная нѣчка, не съ кѣмъ розмовляти.»
 — Ой до коня, сынку, до коня, Васильку!
 — «Ой я до коника, коникъ не говорить,
 Ой я до сивого, сивый не промовить.»

(Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zienkiewicz, str. 284.)

«Будземъ жениць сына, бо работы много,» разсуждаютъ обыкновенно родители селяне. «Кали я ее всю параблю?» продолжаетъ хозяйка. «Трѣба, якъ той казавъ, и нашиць и другое децо что ни будзь зробиць. Ты бачишь, що я адна кидаюся, кидаюся, а памачи некому; добро да гатуль я гаровала, а цяперь уже выбилась съ силы; да па докуль же мнѣ и быць дужой!»

(Чересы, Диснен. Уѣзда Вил. Губ.)

Стало быть, приискивая невѣсту, болѣе всего обращаютъ вниманіе на то, чтобы она не была, что называется, бѣлоручка, была бы работающая, здоровая, и тѣмъ лучше, если при этомъ еще съ достаткомъ. Обращать, впрочемъ, вниманіе на деньги считалось признакомъ барства, пребыванія во дворѣ у помѣщика, заслуживало презрѣнія. Въ пѣсни поется:

Кабъ цябе спалила маланка!
 Чаму не хочешъ Сцяпанка?
 Ци іонъ цябе ня кахае,
 Ци іонъ розуму ня мае?
 — «Дакъ што жъ, що іонъ мяне кахае,
 Кали іонъ гроши ня мае?
 Кали іонъ ня мае гроши,
 И самъ ня вельми хорошій?»
 Кабъ цябе спалила маланка,
 Що грошъ любишь, ня Сцяпанка?
 Не дармо дворски хлѣбъ ѣла,
 Паняй быць захацѣла!

(Piosenki wieśniackie znad Niemna i Dzwiny, str. 123—124.)

Или:

Да у мѣсяца два ражки крутые,
 Да Явечки два браты радные;

Адзинь брахна каня сядлаець,
 А други брахна яго навчаець:
 «Да будзь, брахна, разумненьки,
 Да паѣдзешь, брахна, у чужіе людзи,
 Выйдзець кь цябѣ танокъ дэзвокъ;
 Ня бяри таей, што у залоцѣ,
 Да бяри тую, што у разумѣ;
 Мы залота у крамѣ дастанемъ,
 Мы разуму свайго ня устанемъ.»

(Opisanie powiatu Borisowskiego, str. 300; ср. 356.)

При всемъ богатствѣ Козака на него «неславонька,» по словамъ пѣсни, «за то, що робити не знае.»

(Сбор. пам. нар. тв. СХХХІІІ.)

Въ слѣдствіе того установившагося взгляда на свадьбу, сама она не должна совершаться въ такое время, когда служила бы помѣхой для работы въ хозяйствѣ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы на свадьбѣ былъ во всемъ достатокъ, а, пожалуй, даже и излишество. По общему вѣрованію, если свадьба совершалась при торжественной, богатой, обстановкѣ, то и молодые въ своей жизни не будутъ чувствовать нужды. Такимъ образомъ, время между Покровомъ Пресвятыя Богородицы и первому недѣлю Филиппова поста почитается у селянъ самымъ благопріятствующимъ для свадьбы (Ср. Opis. Pow. Boris. str. 347.) Тогда все полевые работы покончены и есть болѣе, или менѣе, достатокъ во всемъ; это время селяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ «богатымъ» и не рѣдко прибавляютъ: «Слава Богу! Есть за что горѣлки купить; можно сына женить.» — «Осенью и коркюшки (кусокъ бревна) — мясо» говорятъ они въ томъ смыслѣ, что вездѣ всего вдоволь и за нужнымъ не придется ходить за тридевять земель, въ тридесятое царство.

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Тревожище, сильнѣе, прежняго начинаетъ биться сердце молодой дѣвушки невѣсты, по мѣрѣ приближенія осенняго, зимняго, времени, что по тому это обычная свадебная пора. Много не глубокихъ, по сердечныхъ, думъ передумала она о своей долѣ. Наскучило, надоѣло, ей быть постоянно въ услуженіи у своихъ родителей; не правится ей эта половинная, какъ бы несамостоятельная, жизнь, и ей, смотря на другихъ, самой хотѣлось бы быть

полной хозяйкой, и она, подобно птичкѣ въ клѣткѣ, рвется, не вырвется, въ эту очаровательную область свободы, съ которою давно, очень давно, познакомили ее пѣсни. Слова пѣсни въ ея устахъ могутъ быть приняты въ настоящемъ случаѣ въ буквальный смыслъ за сердечное изліяніе ея собственныхъ чувствъ. Сельская дѣвушка не находитъ для себя болѣе приличной, болѣе умѣстной и соотвѣтственной, формы для выраженія своего внутренняго состоянія какъ:

Горе мое, горе, несчастная доля,
Поорала дѣвчинонька мысленьками поле,
Черными очима да ѣ заволочила,
Друбенькими слезоньками все поле зросила!
Цвѣте гречка, цвѣте, да ѣ цвѣтъ опадае:
А вже жъ мене муй миленькій на вѣкъ покидае.
Ой летѣла птиця, роспутивши крыльця:
Ахъ нема и не буде мого чернобрѣвця!
Ой летѣла павя, въ садоньку упала:
Ахъ нема и не буде, кого я кохала!
Ой ты, сивый орле, высоко летаешь,
Возми жъ, мене на свѣ крыльця, занеси, де знаешь!

(Сбор. пѣм. нар. творч. пѣсня XXXI.)

Ня хадзи, Косю, у зялений садъ,
Ня пей, Косю, ключевой вады,
Ня їшь, Косю, зяленой травы!
У ключа дзѣвка умывалася,
Красоцѣ сваѣй дзивавалася:
— Красата ты моя, красотушка!
Да каму, красата, ты дастанешся?
Чи дварянину, чи мѣщанину,
Чи гетому гостю прѣзжему?
— «Ни дварянину, ни мѣщанину,
Ни гетому гостю прѣзжему —
Грабавымъ даскамъ, жовтымъ пясочкамъ.

(Тамъ же, пѣсня XXXIX.)

По садоньку похожаю,
Сама себе розважаю,
На доленьку нарекаю:

Нема того, що кохаю,
 Нема, нема, и не буде,
 Одраила вражи люде,
 Одраили, одмовили,
 Щобъ мы въ парѣ не ходили
 И другъ дружка не любили!
 Ой пойдѹ я до болота,
 Тамъ плавають каченята:
 Одно друге погоняе,
 Кожне собѣ пару мае;
 На що въ мене тѣлько кары,
 Що мнѣ не давъ Господь пары,
 А ни пары, ни пароньки,
 А ни счасця, ни доленьки!
 Пойдѹ зъ горы утоплюся,
 Чи о камень розобьюся,
 Нехай люде переймають,
 Якъ безъ счасця пропадають!

(Радованичи, Грод. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Много, конечно, и другихъ нѣсенъ поють дѣвушки въ настоящемъ случаѣ; мы привели только нѣкоторые для образца.

Сельскія дѣвушки не предаются одному безнадежному ожиданію. Правда, онѣ очень часто поють:

Ой не видно того села, тѣлько видно поле:
 Ой Богъ знае, Богъ вѣдае, де мое буде горе.
 Ой не видно того села, тѣлько видны кресты:
 Ой туды мнѣ любо, мило, оченьки поѣвести.
 Ой не видно того села, тѣлько видно грушу:
 Якъ я гляну въ ту сторону, то й плакати мушу.

Чтобы, однако, сколько ни будь уяснить себѣ свою неизвѣстную, туманную, будущность, узнать, по крайности, мѣсто жительства будущаго мужа, дѣвушки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при каждомъ удобномъ случаѣ гадаютъ о своемъ суженомъ, -ряженомъ. Капунъ Новаго Года извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «Богатой кутѣи,» или «Щедраго вечера.» Въ это время, съ одной стороны, можно безъ сиросу, тайкомъ, брать взаимно разныя вещи, конечно,

съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ на слѣдующій день: чѣмъ ловчѣе совершится это похищеніе, тѣмъ болѣе чести похитителю. Дѣвушки стараются брать вещи у парней. Ложась спать, онѣ кладутъ эти вещи себѣ подъ голову. Если они приснятся имъ, это считается хорошимъ признакомъ; съ другой—устраивается, по возможности, роскошный ужинъ (богатый); къ ужину, между прочимъ, готовятъ и кашу, которую при вареніи мѣшаютъ нарочно приготовленною лопаткой (у селянъ—«копыстью»). Дѣвицы берутъ эту «копысть», на которой, конечно, находятся остатки каши, выходятъ съ нею на улицу и начинаютъ очищать ее. Если въ это время залаетъ собака, то, по мнѣнію селянъ, это вѣрный признакъ, что въ томъ мѣстѣ есть женихъ. Прибѣгаютъ и къ другому средству: берутъ башмакъ и со всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу; потомъ разсматриваютъ, куда обращенъ онъ своею переднею стороною: тамъ, значитъ, придется быть за мужемъ (обычай, кажется, общерусскій). Еще: берутъ три сосуда: подъ одинъ кладутъ хлѣбъ, подъ другой—щетку, а подъ третій—кольцо. Одной изъ присутствующихъ дѣвицъ, невѣстѣ, завязываютъ глаза: она должна подойти къ которому ни будь сосуду, и вынуть положенную туда вещь. Если попадетъ на сосудъ, подъ которымъ находится кольцо, ей, значитъ, придется выйти замужъ за «молодца;» если возьметъ сосудъ съ хлѣбомъ, — выйдетъ за «богатаго;» въ послѣднемъ случаѣ въ женихи дѣвушка должна ожидать для себя «вдовца.»

(Докшицы, Борис. Уѣзда Мивск. Губ.)

Нужно замѣтить, что дѣвушки вообще боятся имѣть мужемъ вдовца. Имъ думается, что вловецъ ужь непременно злой человекъ, пьяница, разбойникъ, человекъ безъ всякихъ мягкихъ, нѣжныхъ, чувствъ. Вотъ какъ поютъ онѣ по этому случаю:

Не дай мене, моя матонька, за вдовця,
 Бо вонъ выпоре нашиваннечко зъ рукавця;
 Выпоровши, до корчмоньки занесе,
 Пришовши зъ корчмы, за головоньку потрясе.

(Озяты, Кобрин. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Балиць мая галоука адъ вѣнца,
 Ня аддавай, мой татечка, за удауца,

Адай мяне, мой татечка, у сямью,
 У сямьи есць парадачекъ усяму:
 У истопки таучи, малоць — зялоуки,
 Дзяжу мясиць, хату тапиць — ятроуки,
 А у криницу па вадзицу — я, маладая.

(Opis. Boris. pow. str. 332.)

Но такъ какъ этотъ вопросъ для дѣвушекъ составляетъ вопросъ жизни и смерти, и такъ какъ опытъ говорить имъ, что нѣкоторымъ все таки приходится выходить за вдовцевъ, слѣдовательно, такъ уже на роду написано, такая ужъ доля, то, чтобы хотя нѣсколько успокоить себя съ этой стороны, онѣ опять прибѣгаютъ къ гаданіямъ. Въ тотъ же самый «Богатый» или «Щедрый вечеръ,» отыскиваютъ большой заборъ, сдѣланный изъ чистого, въ которомъ по меньшей мѣрѣ, было бы 100 колець. Нашедши такой заборъ, начинаютъ гадать. Способъ гаданія очень простой. Первый попавшійся колъ называютъ «молодецъ,» а слѣдующій за нимъ «вдовецъ;» третій опять «молодецъ,» а четвертый «вдовецъ» и т. д. Если послѣдній колъ будетъ «вдовецъ,» быть, значить, гадающей дѣвушкѣ за «вдовцомъ;» въ противномъ случаѣ ея женихъ будетъ «молодецъ.»

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Любопытство дѣвушки на этомъ не останавливается: оно не знаетъ предѣловъ, и ей хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, въ мечтаніи, во снѣ, увидѣть своего любезнаго дружка. И для этого услужливыя бабушки придумали вѣрное, по ихъ мнѣнію, средство. На пятой недѣлѣ Великаго Поста, въ Среду, вечеромъ, когда читается Канонъ Св. Андрея Критскаго, дѣвки, собирающіяся гадать о своемъ миломъ, отираются, вмѣстѣ съ другими, въ церковь: усердіе обыкновеннаго начинаютъ онѣ молиться Богу, чтобы, такимъ образомъ, призвавъ его въ помощь, лучше успѣть въ своемъ предпріятіи. Самое это Богослуженіе извѣстно въ народѣ подъ именемъ «Андреева достоянія.» По окончаніи Богослуженія дѣвки возвращаются по домамъ, и тутъ, ложась спать, разсѣваютъ на своей постели заблаговременно приговоренную «горсть льнянаго, или коноплянаго, сѣмени;» при этомъ дѣвушка говоритъ слѣдующія слова: «На тебе, Святый Андрію, лентъ сѣю; Дай, Боже, знати, съ кѣмъ буду горе горевати!» Теперь онѣ засыпаютъ въ

полной увѣренности, что имъ въ эту ночь непременно явится во снѣ ихъ суженый. Для большаго успѣха въ дѣлѣ любви, дѣвушки и парни обращаются иногда къ ворожеямъ—Цыганкамъ и у нихъ просятъ помощи. Въ пѣснѣ поется:

Цыганы стояли,
А мѣжъ тѣми Цыганами
Цыганка воружка,
А до теи Цыганочки
Бытая доружка.
— Цыганочка, вороженько,
Учини мнѣ волю:
Чи не стане дѣвчинонька
До шлюбу зо мною?—
Цыганочка, вороженька,
Волю учинила,
Сывому кониковѣ
Гриву устригла.
— Бодай тебе, дѣвчинонько,
Вся семья любила!
Коню мой, коню,
Золотая грива,
Бѣжи, мой коню,
Де моя мила!

(Сборн. пам. нар. твор. въ СЗ. краѣ СХХХІІІ; ср. ХХV.)

Впрочемъ, подобныя свои стремленія, внутреннія задушевные тайны, дѣвушки, по возможности, стараются спрятать, скрыть отъ глазъ, зорко слѣдящихъ за ними «молодцовъ;» если послѣдніе забываются иногда, выказываютъ свое предъ ними преимущество въ замужествѣ указываютъ для дѣвушки единственное спасеніе, то, въ отвѣтъ на это, они всегда услышатъ пѣсню, гдѣ выставляется тяжелая сторона брака, неразлучныя съ нимъ заботы, хлопоты:

Не руби сосны, бо ѣе хилитця:
Не пойду замужъ, бо не хочетця.
Зрубали сосну, похилилася:
Якъ вышла замужъ, зажурилася.

Или:

Ой у качора да злоте перо,
 А у павоньки влосы:
 Ой не заживеть жадна невѣста
 Да у всѣсенькѣй роскоши.
 Свекерко ходить по новыхъ сѣняхъ,
 Невѣсту обучаетъ:
 — Встань, невѣсто, встань, молодая,
 Уже двое курей пѣло!
 Невѣста встала, да заплакала,
 Рученьки заламала:
 — Ахъ, Боже мой да малюсенькій!
 Чого же жъ я да дочекала?
 У матули была, якъ рожа цвѣла,
 На всякѣй роскоши: курей не чула,
 Зоревъ не знала, работа пороблена:
 А якъ пришла да до милого,—
 На великое горе куры почула,
 Зори познала, работа не зроблена!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССП; ср. ССХLIX.)

Но во всякомъ случаѣ, желаніе выйти поскорѣе замужъ составляетъ одно изъ завѣтныхъ, сердечныхъ, желаній каждой дѣвушки. «Хвартуше, злый душе, говоритъ поговорка; просымо Бога я и ты, щобъ хучій мнѣ замужъ пойты. (Радованичи—Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.) «Новое сытко на колочку висить; и по тому дѣвушки въ высшей степени недовольны бываютъ своими родителями, если тѣ, по какимъ ни будь соображеніямъ, откладываютъ время ихъ свадьбы. «Одложивъ хвѣстъ (говорятъ о собакахъ), якъ батько весѣля на пѣсть,» слышится отъ нихъ часто по этому случаю. Дѣвушки страшно боятся заслужить укоризненное названіе: «Дѣвоцькій Король,» и ужъ тутъ не бываетъ обыкновенно никакого разбора при выборѣ жениховъ:

Сякій, такій, мужичина,
 Абы дрова, не лучина;
 Сякій, такій, абы бувъ,
 Хлѣба й соли роздобувъ!...

Или:

Хочъ за вола, абы дома не була....

Или:

Святая Покровонько,
Накрой менѣ головоньку,
Та хочь бы вже и онучью,
Най ся довго дѣвкой не мучу!

Мы сказали уже, что осеннее и зимнее время возбуждаетъ отрадныя, утѣшительныя, надежды. Примѣнительно къ этому существуютъ разнаго рода поговорки и даже своеобразныя молитвы. Съ Сентября мѣсяца начинается слышаться между дѣвушками: «Иванъ Богуславъ (Іоаннъ Богословъ—26 Сент.) дружкѣ (по другимъ—дѣвоснубы) розославъ, а Покрова—дѣвка готова.» Особенно праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы (1-го Октября), и вообще Богородичныя праздники (въ осеннее и зимнее время) пользуются большимъ уваженіемъ у дѣвицъ. На Покровъ онѣ не рѣдко ставятъ свѣчи передъ образомъ, приговаривая: «Святѣй Покровъ! Покрывъ землю и воду, покрый и мене молоду! (Оваты Кобр. Уѣзда Гродн. Губ.). Или: «Св. Покровъ! Покрый землю листомъ, а мене, молоду, чепцомъ!» (Дисн. У.), и стараются провести этотъ день въ возможномъ весельи, въ той мысли, что «Покровъ весело провести, значить дружка знайти.»

Прим. У всѣхъ Славянскихъ народовъ соединяется такое значеніе съ этимъ праздникомъ. «Батюшка Покровъ, говорятъ въ Великороссіи, покрой сыру землю и меня молоду! Другіе говорятъ: «Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ: не меня ли молоду замужъ снаряжаетъ?» Или: «Ты Покровъ, Богородица, покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнною ити на чужую сторону!» Введенье, Мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку!» Срѣтенье, Мать Богородица, всрѣть меня на чужой сторонушкѣ!»

Вопросъ о женитьбѣ въ сельскомъ быту поднимается снизу. Родители дали дѣтямъ жизнь: они должны позаботиться и обставить ихъ въ жизни, должны подумать и о миломъ для нихъ дружкѣ. Сами родители, селяне, смотрятъ такъ на свою задачу, и рѣдко она поставляется иначе. Сынъ достигъ совершеннолѣтія, и родители надумали женить его. Конечно, если нѣтъ родителей, то о женитьбѣ подумываетъ онъ самъ, совѣтуясь съ своими родственниками. Объявивъ сыну о намѣреніи женить его, родители иногда спрашиваютъ у него, не имѣетъ ли онъ на примѣтѣ для себя невѣсты? Получивъ утвердительный отвѣтъ, они говорятъ ему:

О женися, сынку, вазьми сабѣ жонку,
 Вазьми сабѣ жонку хоць вдавину доньку;
 Только самавольницы ня бяри,
 И нашой хаты ня разари,
 А бяри ты работницу,
 Которая бы домъ свой шановала,
 Домъ свой сберегала,
 А не то, чтобы спиной уголъ падпирала,
 И насъ старыхъ за воротникъ на бѣлѣ свѣтъ вытолкала!

(Черезы Дисн. Уѣзда Вилен. Губ.).

Или:

А у сѣ луги пакушоны,
 А мвое сѣно убрато,
 Пытаецца сынъ матуоньки,
 Куоторую узяци?
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што ручоньки тлусты?—
 Самъ уважай, людзей пытай,
 Чи попере хусты.—
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што личенько бѣло?—
 Самъ уважай, людзей пытай,
 Чи напече хлѣба?—
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што гладка у тануочку?—
 Самъ уважай, людзей пытай,
 Чи зробить сароучку.—
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што головка гладка?—
 Самъ уважай, людзей пытай,
 Чи мецена хатка?

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ СХ.)

Иногда родители считаютъ священнымъ долгомъ указать неопытному сыну, помимо его вѣдома, и невѣсту, которой, быть мо-